

Об особенностях фантастики в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя

В русской литературе первой половины XIX в. исключительное развитие получила мифологическая фантастика. Это связано с пробуждением национального самосознания и усилением интереса писателей-предромантиков и романтиков к народному творчеству, особенностям национального характера, специфике народного мышления. Изображая людей из народа, авторы фантастических произведений воссоздавали народно-мифологическое мировосприятие, в котором действительность преломлялась через призму традиционных образов, выработанных коллективным творчеством. В них человек и природа наделялись магическими свойствами и несли отпечаток представлений о синкретическом единстве мира. Через фольклор, который «воспроизводил все наследие мифологии» [17, с. 16], литература оказывается связанной с мифологией, «ядром первобытной культуры» [9, с. 14]. Обращаясь к традиционным мифологиям, писатели-романтики «чрезвычайно свободно манипулировали их сюжетами и образами, используя их как материал для самостоятельного художественного мифологизирования» [7, с. 60]. Это явление присуще не только западноевропейской, но и русской литературе, в которой фантастика становится способом художественного освоения действительности, и в ней находит выражение представление человека о законах, скрытых за чувственно воспринимаемым обликом мира, его стремление к гармонии. На первое место выдвигается проблема целостности и раздробленности мира, возникающая в литературе с того момента, как человек перестает мыслить себя в синкретическом единстве с миром. В произведениях же романтиков наиболее остро осознается контраст духовного и прозаического, раздробленность мира и внутренняя противоречивость человека.

Н. В. Гоголь чрезвычайно остро воспринимал раскол внутри нации и, раскрывая его проявления, показывал нарастание разобщенности между людьми. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» писатель обращается ко времени «распада патриархальных отношений, обострения социального антагонизма» [14, с. 93]. Колдун в повести «Страшная месть» предает свой народ, вступая в заговор с его врагами, совершает преступления против человечества. Он оказывается самым страшным злодеем из тех, кто продолжил род Петра, погубившего из зависти своего названного брата. Колдун завершает начатый его предком процесс разрыва связей с людьми и вступает в союз со сверхъестественными силами. Данило Бурульбаш сообщает жене о подозрениях в том, что ее отец не хочет жить «в ладу» с козачеством, что в нем некозацкое сердце. Он сравнивает тестя с врагами-иновер-

цами и укоряет его в том, что тот таскался бог знает где в то время, как православные бились с врагами. Здесь выражается традиционная для библейской мифологии концентрация деления пространства на мир христиан и мир неверных, нехристей, согласно которой из числа «полноценных человеческих существ» исключаются все исповедующие другую веру, или же другую форму христианской веры [5, с. 87]. Колдун оказывается чуждым всему человечеству, миру природы и божественной силы, которую, к примеру, представляет схимник, убитый им [8, с. 45—47]. В книге «Мастерство Гоголя» А. Белый утверждает, что колдун не мог быть понят и был закономерно отделен от козацкой массы из-за того, что ему присуще новое, высшее по сравнению с козачеством мышление — ренессансное: «...Колдун, двадцать лет живший в культурном обществе, предельно необъясним для коллектива; его «не то» — «необъяснимость» дикарям поступков личности, может, тронутой Возрождением; понятно, что колдун тянется к ляхам и братается с иностранцами» [2, с. 67]. Ю. В. Манн справедливо отмечал, что в данном случае у А. Белого происходит снижение «...фантастики «Страшной мести» до возрожденческой темы, таинственных знаков — до французского текста, неизвестного черного напитка — до кофе и т. д. ...» [8, с. 44]. Представляется, что центральная тема «Страшной мести» — тема предательства, искажения личности (такова же идея мифа, о котором читатель узнает в конце повести, — возмездие за братоубийство), и в дальнейшем А. Белый, проводя параллель между колдуном и Хомой Брутом, Петром из «Вечера накануне Ивана Купала», пишет о проявлении трещины в роде, о переборе самому себе в этих персонажах: «ходящее по жилам чужое «не то» — источник «поперечивающего себе чувства...» [2, с. 68].

Не только колдун отдален от людей. Данило трагически воспринимает наступление прозаического состояния мира и с тоской говорит Катерине: «Времена лихие приходят (...). Порядку нет в Украине: полковники и есаулы грызутся, как собаки между собою. Нет старшей головы над всеми. Шляхетство наше все переменило на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию» [4, с. 220—221]. Поэтому и колдун не так ему страшен связью со сверхъестественным, как возможной помощью врагам его народа. В опасности находится не только он (Данило предчувствует близкую смерть), но весь народ. Данило решает казнить колдуна не за «богопротивные дела», но за тайное предательство, «сговоры с врагами православной русской земли». Так конфликт, представленный в фантастическом аспекте, органически слит в повести с изображением нарастающих социальных противоречий.

Усиливающаяся разобщенность людей проявляется в цикле Н. В. Гоголя и в изображении отчужденности родителей от детей, возникновении противоестественных, противоречащих собственной природе отношений между ними [14, с. 94]. В «Страшной мести» это выражается в стремлении колдуна сделать сво-

ей женой дочь. При этом Н. В. Гоголь использует сложившееся еще в первобытном мышлении представление о душе как о «двойнике» человека, способном покидать его тело и путешествовать [16, с. 414]. Колдун вызывает к себе душу Катерины и пытается воздействовать на нее. «Двойнику» Катерины гораздо больше известно о ней самой, но и сама Катерина узнает о противоестественном желании отца, так как встречи ее души с колдуном оформляются для героини в форме снов. Таким образом, мысли, возникшие в подсознании (то, что известно душе Катерины), переходят в область сознания, и Катерина осмысляет то, к чему приходит интуитивно.

Двойственна природа и самого колдуна. Как и любое лицо, связанное со сверхъестественным, он способен к оборотничеству и предстает в разных обликах. Так, на свадьбе он появляется сначала в облике козака, а затем при виде иконы приобретает свой настоящий, устрашающий всех вид уроды-горбуна. Таков он и у себя в замке. Многолик он и с точки зрения своего ролевого поведения: он отец Катерины и вступает в бытовые отношения с другими персонажами как отец, тещь...; он колдун и, таким образом, существо, противопоставленное всему народу, враг и изменник, находящийся во враждебных отношениях с народом; он потомок героя мифа о братоубийстве и должен нести наказание как член преступного рода. Последняя роль является для него главной. Когда он, совершая все новые убийства близких ему людей, обрывает жизнь своего рода, то происходит окончательное отчуждение его личности: он утрачивает власть над своим поведением и против собственной воли направляется к тому месту, где его ждет возмездие.

Трагическое видение Н. В. Гоголем нарастающей раздробленности, а вместе с тем и прозаичности мира нашло выражение в появлении на страницах его цикла изображения сверхъестественных сил, в воссоздании конфликта человека с этими силами. Часто такой конфликт завершается поражением, гибелью человека, лишившегося внутренней цельности, подчинившегося так или иначе прозаическому миру. Процесс отчуждения личности, явившегося следствием столкновения человека с дьяволом, становится предметом другой фантастической повести этого цикла — «Вечера накануне Ивана Купала». Н. В. Гоголь показывает, как оказавшаяся во власти дьявола личность утрачивает власть над собственной памятью. Узнав о том, что отец хочет отдать его возлюбленную замуж за обшитою золотом ляха, Петрусь решает воспользоваться предложенной ему помощью Басаврюка, «дьявола в человеческом образе». Эту помощь он оплачивает жизнью невинного ребенка. Он получает золото, женится на Пидорке, но навсегда лишается покоя, пытаясь вспомнить, что же произошло тогда в лесу, какой ценой он получил клад. И только через год, в день накануне купальской ночи, увидев колдунью, которую приводит в дом Пидорка в надежде спасти мужа, герой снова обретает память, но сверхъестественное оказывается сильнее, и он погибает.

Гибелью заканчивается встреча со сверхъестественным и для другого героя Н. В. Гоголя, Хома Брута, из повести «Вий» цикла «Миргород». Действие в повести охватывает тот момент, когда утвердилось прозаическое состояние мира: раскол внутри нации произошел, и индивидуальность, утратив связь с народом, сосредоточивается полностью на бытовом. Такая позиция позволяет отмежеваться от сложности и противоречивости действительности, но зато исключает возможность той цельности, которая свойственна героической личности. Хома Брут в столкновении с обстоятельствами терпит поражение из-за своей раздвоенности. Как сообщает повествователь, он испытывает странное любопытство, «поперечивающее чувство» и против воли смотрит на убитую им ведьму. А в последнюю ночь он не подчиняется внутреннему голосу, запрещающему смотреть на Вия, и погибает. Гибель обоих героев является следствием их душевной расщепленности, получающей фантастическое выражение в виде их борьбы с дьяволом.

Действительность, с которой сталкивался человек, была страшна, в ней было много таинственного, и он оказался в зависимости от неподвластных ему сил. Драматизм положения усугублялся неспособностью преодолеть внутренний разлад, а стремление выйти за пределы своего «я», проникнуть в тайну, часто вело к гибели. В фантастических произведениях первой половины XIX в. получает распространение представление о двойственности мира, которое нашло выражение в изображении видимого, чувственно воспринимаемого мира и проявления в нем действия другого, непостижимого разумом и губительно действующего на человека таинственного постороннего мира [6, с. 135]. Содержание фантастических повестей начала XIX в. составляет отображение вмешательства сверхъестественного в жизнь человека и попытки противостоять потустороннему. Двойная сущность мира вызывала «страх, что человек оставлен без помощи, представлен страшным силам, судьбе, случаю, мраку непостижимой тайны» [3, с. 34]. В определенной степени это присуще циклу Н. В. Гоголя, ориентированному во многом на так называемую несказочную прозу народа, которая, по мнению Э. В. Померанцевой, теснейшим образом связана с «низшей мифологией — с народными верованиями», возникла на их основе [12, с. 5], в ней встреча человека с потусторонним обычно заканчивается его гибелью [10, с. 287; 12, с. 23]. Кроме того, изображение раздвоенности мира «способствовало осуждению отклонений от идеала или же той нормы, которой руководствуется идеальная среда» [15, с. 89]. В то же время в изображении пространства цикл Н. В. Гоголя ориентирован не на представление о двойственности мира, которое будет присутствовать ему позже, что проявится, в частности, в фантастической повести «Портрет» и которое И. Анненский так охарактеризовал в речи «Художественный идеализм Гоголя»: «В силу стремления, вложенного в нас создателем, мы вечно хотим сблизить в себе мир вещей с миром духовным, очищая, просветляя и воз-

вышая свою брэнную телесную жизнь божественным прикосновением к ней мира идеального, и в этом заключается вся красота и весь смысл нашего существования...» [1, с. 613]. В цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки», представляющем, по словам поэта, смесь реального с фантастическим в «наивной, почти детской прелести» [1, с. 616], нет этого деления на мир вещей и мир идей. Поэтому здесь в одной плоскости уживаются и пан, который собирается строить на месте овейного тайной легенды пруда винницу, Солоха, являющаяся ведьмой, и ее поклонники-односельчане. Таким образом, картина мира в «Вечерах» близка той, которую мы встречаем в мифологии и фольклоре. В сказочном мире «изображается родовой человек, стоящий лицом к лицу с природой, и весь мир, стало быть, большая семья» [11, с. 61]. Первобытное мышление представляет единое пространство, состоящее из целого ряда частей, горизонтально протяженным. Поэтому и злые силы, согласно народным представлениям, находятся не в каком-то ином, мистическом мире, но на периферии единого пространства, причем, замечает А. Я. Гуревич, «поскольку пространство мифологично, оно неизбежно лишено топографической определенности» [5, с. 62]. Части пространства могут быть благополучными для человека и, напротив, опасными, где его ожидает встреча с таинственным, сверхъестественным. Обычно содержание созданных народной фантазией произведений составляет путешествие героя в эту полную для него опасности часть пространства. Так, у Н. Гоголя некоторым персонажам «Вечеров» приходится совершить путь в населенную сверхъестественными силами часть пространства и вступить с ними в борьбу. Это происходит, например, с героем «Пропавшей грамоты». Обнаружив исчезновение лошади и шапки с грамотой, он склонен объяснить их пропажу вмешательством нечистой силы. В поисках грамоты герой «были» отправляется в ад и попадает в ту часть пространства, которая не освоена людьми и потому представляет для них опасность. Здесь обитают только цыгане, которым приписываются магические свойства (вспомним цыгана из «Сорочинской ярмарки», совершающего, помогая влюбленным, такие поступки, которые с реальной точки зрения объяснить невозможно). Идти к этому месту нужно через густой лес, реку. Лес, как утверждает В. Я. Пропп, «окружает иное царство... дорога в иной мир ведет сквозь лес» [13, с. 58]. Воздействие встреченной здесь нечистой силы проявляется в ослеплении героя. Подвергнувшись «бесовскому обморачиванию», он теряет способность видеть реальные предметы, играя в карты видит, вместо козырей, простые масти и проигрывает. Побеждает он только перекрестив карты, то есть отведя от них власть сверхъестественного. Герой остается верен себе, сохраняет цельность натуры, поэтому одерживает победу над нечистой силой и столкновение их приобретает не трагический, а комический, карнавалый характер.

Пародийно выглядит соперничество деда Фомы Григорьевича с дьяволом и в повести «Заколдованное место». Здесь, как и в

повести «Вечер накануне Ивана Купала», встреча человека со сверхъестественным происходит в связи с поисками клада. Правда, сам дьявол в «Заколдованном месте» не появляется. Ведь действие этих произведений происходит в разное время. События, о которых идет речь в «Вечере накануне Ивана Купала», относятся к старине: дед Фомы Григорьевича рассказывал, что «дивная» история случилась лет более чем за сто. В ту пору «дьявол в человеческом образе» свободно появлялся среди людей и соблазнял их бесовскими подарками. Действие же «Заколдованного места» относится к сравнительно недавнему времени, и рассказ о нем основан на воспоминаниях самого дядька Фомы Григорьевича. Встреча с потусторонним может быть здесь истолкована и как проявление особого психологического состояния, вызванного раздвоением личности героя «были»: он невольно переступает границу, отделяющую людей от дьявола, и испытывает наваждение. С мифологической точки зрения, под власть нечистой силы человек попадает осквернившись, а значит, отступив от себя, изменив себе. Этот мотив развивается в целом ряде произведений разных писателей и литераторов. Так, герой повести М. Загоскина из цикла «Вечер на Хопре» Иван Николаевич Зорин, чтобы не разлучаться с возлюбленной, переступает границу между живыми и мертвыми и оказывается на концерте, устроенном мертвецами. Герой Г. Квитки-Основьяненко Нечипор вступает в общение с мертвецами, нарушив табу на еду: он съел скромное в пост. Осквернившись, то есть подчинившись дьяволу, он попадает под власть чар и незаметно для себя переступает границу между живыми и мертвыми. Но в повести М. Загоскина история Зорина приобретает трагический характер, в рассказе Г. Квитки-Основьяненко «Мертвецкий великдень» фантастика соединена с сатирой и представлена в комическом освещении.

Разная роль и пространственно-временных отношений в «Вечере накануне Ивана Купала» и «Заколдованном месте». В повести «Вечер накануне Ивана Купала» ведущая роль принадлежит временному аспекту: действие происходит в купальский вечер, когда появляется волшебный цветок папоротника, указывающий на клад. В «Заколдованном месте» на первом плане — пространственный аспект. Действительность здесь представлена текущей, изменяющейся в такой степени, что формы ее существования приобретают фантастический вид. Заколдованное место оказывается пространством, в котором герою произведения все знакомо и в то же время окружено таинственностью: в нем смещены расстояния. Когда же герой «были» непосредственно приступает к кладоискательству, то обнаруживает, что природа одухотворяется и слышит, как повторяются произносимые им слова. Происходит расщепление представления о пространстве в восприятии героя, и это состояние кажется ему связанным со встречей с дьяволом.

Поскольку люди и сверхъестественные существа находятся в одном пространстве, только в разных его частях, то граница

между этими областями легко преодолевается. Ее переступают герои всех трех «былей» Фомы Григорьевича, «Ночи перед рождеством», «Страшной мести». Герой повести «Майская ночь, или Утопленница» преодолевает эту границу во сне: он встречается с русалкой и при этом сам становится персонажем этого мифа, помогающим русалке найти ведьму-мачеху.

Таким образом, неестественное состояние мира, его расколотость получают фантастическое отображение в литературе, и Н. В. Гоголь представляет мир, в котором одновременно в одном пространстве существуют люди и мифологические персонажи. Если же между ними и существуют границы, то они легко преодолеваются как человеком, так и сверхъестественными существами. Исход их встречи зависит от личных качеств героя. Раздвоенность, противоречивость человека, ведущие в цикле Н. В. Гоголя к уступке дьяволу, приводят к отчуждению личности, ослеплению, потере памяти, наконец, к самой гибели героя. И, напротив, внутренняя цельность является условием победы личности над сверхъестественным.

1. Анненский И. Художественный идеализм Гоголя (Речь, произнесенная 21 февраля 1902 г.) // Анненский И. Избранные произведения. Л., 1988.
2. Белый А. Мастерство Гоголя. М.—Л., 1934.
3. Ботникова А. Б. Гофман и русская литература. Воронеж, 1977.
4. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т. 1.
5. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
6. Измайлов Н. В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 134—169.
7. Лосман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 58—65.
8. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. М., 1978.
9. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
10. Мишанич С. В. Устные народные рассказы. Вопросы поэтики. К., 1986.
11. Неелов Е. М. Волшебносказочные корни научной фантастики. Л., 1986.
12. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
13. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
14. Слюсарь А. А. О сюжетных мотивах в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина и «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Вопросы русской литературы. Респ. межвед. науч. сб. Львов, 1982. Вып. 2. С. 93—101.
15. Слюсарь А. А. Фантастическая повесть в украинской литературе 30-х годов XIX с. // Развитие жанров в украинской литературе XIX—начала XX ст. Сб. науч. К., 1986. С. 67—89.
16. Токарев С. А. Душа // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 414—415.
17. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978.